

В. А. Лекторский¹**НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ И СУПЕРОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**

Невозможно жить, если не имеешь знаний о том, что последует за тем или иным действием. Эти знания приобретаются уже в первые дни и месяцы после появления на свет, а затем пополняются в течение всей жизни. Известно, что по земле можно ходить, а по воде — невозможно; чтобы успеть на отходящий автобус, нужно ускорить шаг, а возможно, побежать. Каждый из нас знает, что на одного человека можно рассчитывать в сложных ситуациях, а на другого — нельзя. Если я хорошо знаю кого-то, то могу примерно предугадать его реакцию на мое обращение к нему (хотя не могу точно предсказать его поведение).

Элементарное восприятие окружающего мира возможно только в том случае, если в каждый момент времени в процесс извлечения чувственной информации из мира включены память о предшествующем моменте (а также память о перцептивной схеме обследования ситуации) и вместе с тем — предвосхищение ближайшего будущего. Мир, который постоянно менялся бы во всех своих характеристиках, непригоден для обитания в нем живых существ.

Но ситуации неопределенности и непредсказуемости во все времена сопровождали жизнь человека, подвергая опасности его существование: это и природные стихии (неурожаи, землетрясения, извержения вулканов, наводнения и т. д.), и социальные конфликты (войны, восстания и т. д.). Всегда существовала опасность неожиданной смерти. Развитие науки и основанных на ней технологий помогло справиться со многими природными угрозами и предсказать течение ряда сложных процессов: движение искусственных спутников, траектории полета ракет, термоядерные реакции и др. Совсем недавно можно было думать (и так думали многие), что научно-технологическая цивилизация

сможет полностью взять под контроль природные стихии, что человек станет своеобразным хозяином природы, с помощью разума сможет отвести от себя риски, связанные с действием природных сил, и преобразовать природу в своих интересах. Такое представление лежало, в частности, в основе идеи В. И. Вернадского о будущей ноосферной цивилизации. Другие мыслители считали, что с помощью наук об обществе и человеке можно будет сформировать разумное общество, которое сделает поведение людей предсказуемым и прозрачным. К. Маркс был уверен, что это можно осуществить с помощью созданной им теории социального развития. Классик американской психологии Б. Скиннер выдвигал идею о создании рационального общества на основе программирования человеческого поведения.

Жизнь не подтвердила эти ожидания. Сегодня утвердилось представление о том, что природа и общество должны быть поняты как совокупность сложноорганизованных и саморазвивающихся систем, особенность которых состоит в том, что многие происходящие в них процессы неопределенны и потому непредсказуемы, особенно в точках перехода от одной такой системы к другой (так называемых точках бифуркации). Поэтому возможности воздействия на процессы, происходящие в таких системах, имеют важные ограничения.

Но это касается любой социальной системы как в прошлом, так и в настоящем. Вместе с тем ясно, что есть нечто такое, что отличает современную социальную жизнь от того, что имело место в недавнем прошлом. Хотя неопределенность, непредсказуемость и связанные с ней риски всегда сопровождали жизнь человека, в течение тысячелетий и веков этой жизни были свойственны некие стабильные ритмы. Судьба родителей в значительной мере определяла будущее детей и внуков (а в сословном обществе вообще невозможно было выйти за пределы ранее проложенной социальной колен). Всем было известно, что хорошо и что плохо, что нужно делать, к чему следует стремиться, как оценивать поведение свое и других.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Развитые страны, а за ними и весь мир вступили в стадию, которую иногда называют «постмодернити», а иной раз — «жидким модернити». Имеется в виду, что социальные структуры все быстрее начинают изменяться, становятся все более эфемерными и текучими. Колоссально усложняется поток коммуникаций, при этом нередко человек получает такого рода информацию, которая внутренне противоречива. «Постмодернити» совпадает с тем, что было названо информационным обществом, а потом обществом знания. Оказывается, что умножение знаний, в частности и прежде всего научных и технологических, не облегчило жизнь человека, а, напротив, создало много новых проблем. Идея покорения природы обернулась экологическим кризисом. Использование современных информационно-коммуникационных технологий не толь-

¹ Академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Наука глазами гуманитария» (в соавт.), «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.». Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

ко предоставило возможность получения информации из разных источников, но и породило огромный поток дезинформации. При этом, в отличие от того, что было в недавнем прошлом, сегодня во многих случаях трудно отличить информацию от дезинформации. Не так давно был придуман термин «постправда». Имеется в виду возможность широкого распространения через средства массовой информации, телевидение и социальные сети таких сообщений, в которых крупницы правды включены в массу сознательной лжи. В мире идут так называемые информационные (на самом деле дезинформационные) войны, нередко определяющие политические и социальные действия и порождающие события, от которых зависит жизнь людей. Сегодня человек все больше времени проводит в виртуальной реальности (Интернете, сотовом телефоне), которая во многих случаях не помогает разобраться в настоящей реальности, а отгораживает человека от нее. Современная техноструктура увеличивает риск техногенных катастроф (аварий на атомных станциях, выхода из строя компьютерной системы, обслуживающей население крупного города, и др.), которые по своим масштабам несопоставимы с техническим сбоями, имевшими место в недавнем прошлом. Одним словом, развитие науки и основанных на ней технологий породило цивилизацию, в которой неопределенность, непредсказуемость и риск являются важнейшими факторами.

Человеку и в прошлом нередко приходилось действовать в ситуации неопределенности, когда нужно было принимать решение, а имеющихся знаний было недостаточно для того, чтобы уверенно предугадать результат действия. Знаний могло не хватать и по причине принципиальной невозможности получить заранее все знания, необходимые для успеха (такие ситуации бывают), и вследствие того, что в некоторых случаях нет времени для получения всех нужных знаний, а действовать приходится быстро (так называемое явление «ограниченной рациональности»). В таких случаях важную роль играют вера субъекта в успешность его действий, его убежденность в том, что он делает все необходимое. И нередко такие действия приводят к желаемому результату. Это объясняется тем, что в социальной жизни само убеждение субъекта становится реальным фактором, включенным в ситуацию, и «доопределяет» существовавшую до этого неопределенность. Это важнейший феномен социальной жизни, который Поппер проанализировал и назвал эффектом Эдипа.

Но сегодня социальная неопределенность предстает гораздо более драматично. Я уже говорил о колоссально возросшей неопределенности социальных процессов и структур в условиях информационной цивилизации (она же «жидкая модернити»). К этому нужно добавить тот важнейший факт, что современный человек все более утрачивает представления о том, кем он является, каковы нормы и правила жизни, что хорошо и что плохо. В потоках информации-дезинформации, в условиях эфемерности социальных структур и процессов, в глобальном мире взаимодействия и борьбы разных культурных смыслов раство-

ряются незыблемые до этого представления о человеческой идентичности. Появляются люди (и их становится все больше) с размытой идентичностью, полиидентичностью. Тема кризиса идентичности стала сегодня одной из наиболее обсуждаемых философами, психологами, социологами. Человек с твердыми убеждениями, уверенный в себе и своих ценностях, мог успешно действовать в ситуациях неопределенности. Его собственная определенность могла «доопределять» внешнюю по отношению к нему неопределенность. Но человек с нарушенной идентичностью, будучи сам неопределенным, не может противостоять внешней неопределенности. В результате социальная неопределенность, непредсказуемость, риск многократно возрастают.

В таких условиях возможно разное поведение. Можно ориентировать людей на небоязнь риска и умение принимать нестандартные решения в неожиданных ситуациях. Можно культивировать авантюризм, готовность броситься очертя голову в омут непредсказуемостей, чреватых смертельным исходом (такие люди сегодня тоже есть). Можно принять совсем другую позицию: попытаться придать себе определенность, «спрятавшись за спиной» некоей системы незыблемых ценностей и фанатических верований. В частности, это путь исламских фундаменталистов, в том числе международных террористов.

Но сегодня все более популярной становится и другая идея — что природную, социальную и человеческую неопределенность можно взять под контроль (и даже превратить в определенность) с помощью современных НБИКС-технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных).

Генетика и геновая инженерия позволяют «редактировать» геновую систему человека. В недалеком будущем можно будет «заказывать» ребенка по собственному вкусу: более умного, эмоционального, сильнее, чем другие дети, с музыкальными способностями и т. д. Возникло целое движение (в него входят многие ученые), ставящее целью «улучшение человека» («human enhancement»). Некоторые идут еще дальше, полагая, что нужно начать проектирование «постчеловеческого» существа, которое должно прийти на смену ныне живущему человеку. Этот «постчеловек» не только будет лишен ряда человеческих недостатков, но и в принципе может стать бессмертным. Ведь избавление от смерти — тысячелетняя мечта человека. Идеи «постчеловека» и «иммортализма» (бессмертия) исходят из того, что сегодня человек обретает возможность свободно экспериментировать со своим телом, мозгом и психикой, может пересоздавать и создавать себя и даже продлевать свою жизнь до бесконечности.

В связи с идеей проектирования человека высказывается и идея сознательного управления эволюцией. До сих пор эволюционный процесс шел стихийно. При этом речь идет не только о биологической и социальной эволюции, но и об эволюции всей природы, начиная с появления атомов, а затем первых молекул (так называемая концепция «глобального эволюционизма»), которую разрабатывали многие ученые,

в частности академик Н. Н. Моисеев). Сегодня в некоторых кругах популярна идея о том, что человек с помощью современных технологий, опирающихся на научные разработки, может создавать такие образования, которые природа в силу определенных причин до сих пор не могла сотворить. Это называется «выходом за пределы природных ограничений». Речь идет не о выходе за рамки законов природы (это невозможно), а о том, чтобы, опираясь на эти законы, человек стал некой космической силой, своеобразным космическим демиургом. Это возвращает нас к знаменитому лозунгу И. В. Мичурина (который был созвучен пафосу социалистического преобразования в нашей стране): «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Считается, что искусственное может пересоздать или даже заменить все естественно данное. Природа будет искусственно воссоздана по определенной программе.

В обществе неопределенности можно извне управлять поведением человека в рискованных ситуациях, когда сам он не в состоянии принять правильное решение. Для этого достаточно подавать сигналы на его гаджет. В обществе риска большинство людей могут согласиться на такой контроль и управление извне. Между тем особый вопрос — в чьих интересах будет осуществляться такое управление. Это может быть и сила, преследующая собственные интересы.

Разделение личного и публичного пространства все более размывается. Сотовый телефон, который сегодня уже стал неотъемлемой частью жизни человека, не дает возможности уединиться: все равно будут постоянно звонить и слать электронные письма, на которые нужно отвечать. Даже если на время отключить мобильный телефон, запросы будут продолжаться, и рано или поздно нужно будет на них реагировать.

Другая идея — «умный дом», или «Интернет вещей». В предполагаемом в недалеком будущем доме сами вещи будут информировать хозяина о том, что он должен сделать: купить определенные продукты и положить их в холодильник, вызвать врача, так как его организм нуждается в лечении, и пр. А еще лучше, если эти «умные вещи» сами закажут необходимые для холодильника продукты и вызовут врача, не поставив вас в известность об этом, так как они лучше знают, что именно необходимо. Вы будете не хозяином, а исполнителем команд «умных» вещей. О какой автономии человека в таком случае можно говорить?

В этих случаях человек и внешний мир приобретают новую определенность, так как стихийно возникающие естественные процессы с этой точки зрения можно вытеснить искусственными процессами, а человека превратить в некую сумму технологий, существо, управляемое его собственными технологическими устройствами и извне — внешними ему силами.

Однако эта идея в действительности неосуществима. И это к счастью, ибо ее осуществление означало бы конец человека.

Дело в том, что человек не может превратиться в сумму технологий. Сегодня ясно, что даже для природных явлений мы не всегда можем предсказывать ход некоторых процессов и результаты нашего воздействия на них, например когда мы имеем дело со сложноорганизованными системами. Особенно это относится к социальным процессам. Самое интересное — что появление и развитие тех явлений в нашей жизни, которые мы ценим особенно высоко, так как они связаны с высшими человеческими смыслами и ценностями, не запрограммировано. Поэтому эти явления (любовь, коммуникация, диалог, творчество, нравственный поступок) нельзя контролировать извне и управлять ими. Нет и не может быть «технологии любви». Важно прилагать усилия для ее сохранения, но сама любовь — это не действия по правилам и в рамках заданной программы. Тем более таковыми не являются поступки, совершаемые во имя любви, — они могут быть совершенно безрассудными. Можно создавать условия для плодотворного диалога. Но его ценность в том и состоит, что результат заранее неизвестен и может оказаться неожиданным для каждого из участников. Невозможно управлять процессом творчества. Можно создавать для него благоприятные условия — социальные и межличностные (ряд этих условий выявлен в исследованиях по социологии знания и психологии творчества). Но само творчество — это открытие того, что заранее неизвестно. Мечта многих философов об открытии «логики творчества» оказалась в принципе неосуществимой (использование так называемых «эвристик» не предопределяет творческий процесс). Нет и не может быть технологии совершения нравственного поступка.

Если бы человек обрел бессмертие и превратился в «постчеловека», потеряли бы смысл такие фундаментальные ценности, как мужество, самоотверженность, любовь, так как они связаны с поступками, которые предполагают возможность гибели. Если утрачивает смысл смерть, то теряет смысл и жизнь.

Итак, человек сегодня оказывается между двумя полюсами. На одном из них — социальная и человеческая неопределенность, потеря идентичности, непредсказуемость, риск, страх гибели от внешних угроз. На другом — сверхопределенность мира и самого человека при потере им собственной автономии и, значит, самого себя. И в том и в другом случае это означает смерть человека.

Между тем, попав в новый мир информационных, нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить субъективный мир и свою автономию. Это значит уметь брать под контроль рискованные ситуации (в том числе с помощью современных технологий) в той мере, в какой это возможно, и вместе с тем быть готовым к поиску нестандартных решений там, где риска избежать невозможно. Это значит также, что нужно сохранить те ценности, которые делают человека человеком, и вместе с тем быть не рабом, а хозяином любых технологий.